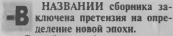
ФРЕЙД И ВАЛЮТА

Виктор Ерофеев вступает в постсексуальное время

Ян Шенкман

Только что вышел сборник прозы «Время рожать»: под одной обложкой Виктор Ерофеев собрал прозаиков, которые, по его мнению, достойно представят нашу словесность в новом тысячелетии. Часть имен известна (Анастасия Гостева, Екатерина Садур, Павел Пепперштейн, Ярослав Могутин), остальным, как считает писатель, еще предстоит прозвучать.

- Если без метафор, мы переходим к новому типу культуры. Это не менее радикальный переход, чем от классицизма к романтизму. 1970—1980-е годы были временем жестких разборок: социальных, профессиональных, метафизических... Сейчас же наступило более мягкое время. Новое поколение представляет собой целый ряд маленьких монтеней, которые пытаются понять, кто же они такие

- В уходящем типе культуры что-то было не так?

— У нас царила не культура, а скорее контркультура, агрессивная и непродуктивная. Всех, кто что-то делает, она считала идиотами. А тех, кто ничего не делает, критикует и издевается, — героями. Сегодня вещи, наконец, стали обретать свою цену, мир теперь желает быть настоящим и не хочет оставаться в словах. Главная наша валюта — русский язык, в объеме от высокого штиля до мата. Но надо помнить, что жизнь словами не исчерпать.

А какие корни у авторов «Время рожать»? Может быть, это уже вовсе и не русская литература?

- Русская, так как она печется о личной метафизике, о душе. Наша литература вообще метафизична, а плохая ее часть идеологична. Во «Времени рожать» идеологией не пахнет, и, как я пишу в предисловии, «под внутренними органами молодые подразумевают печень и почки»

Виктор Ерофеев.

- Какая же тут метафизика? Это скорее анатомия...

- Может, и анатомия, зато здоровая, без психоанализа. И если Ницше говорил, что Бог умер, то, наконец, можно сказать, что умер дедушка Фрейд. Сексуальные мужи, так свойственные двадцатому веку, заканчиваются, мы вступаем в постсексуальное время. Секс из доминирующего фактора, который определял наши сны и желания, станет просто одной из многих потребностей организма. Я думаю, что место секса займет поиск невеломого бога.

Гуманизм тоже умер и похоронен рядом с Фрейдом. Я поинтересовался, оказалось, что все эти авторы читали мою антологию «Русские цветы зла».

 Они, наверное, считают вас иэтром?

 Не думаю. По энергетике эти люди мне гораздо ближе, чем мои сверстники по литературе. Любопытно, кстати, что половина участников — женщины. Девушки начали высказываться о самосознании не менее удачно, чем молодые люди. Это свидетельствует в пользу моих концепций еще времен «Русской красавицы»: женский ум засран меньше, чем мужской. Могу особо выделить Маргариту Шарапову, Зину Китайцеву («Смерть Микки-Мауса»), хорошо известную Анастасию Гостеву и Яну Вишневскую (рассказ о смертях в

московском метро). У многих присутствует тема однополой любви, но не так, как было принято в восьмидесятые, а без претензии на шок и сексуальные страдания.

Один из участников — Ярослав Могутин, 26-летний герой гей-кругов. Вот он, как ни странно, чувствует необходимость доказывать свое право на существование, и это выглядит несколько старомодно. Есть еще такой Ефим Свекличный с рассказом «Железный занавес секса». Его герой — «тоtherfucker», если понимать это слово буквально. Но никакой трагедии типа «Эдипа» не происходит. Его мораль: пусть лучше льется сперма, чем кровь.

 А как вы оцениваете литературные качества текстов?

— Я бы отметил мягкую зигзагообразность стиля. Текст все время меняет траекторию, но плавно, без резкой ломки. Сленг обрабатывается до такой степени, что легко входит в литературу. Язык более энергичен, чем вялый советский или выжигающий все живое язык постмодерна. Такой новый русский язык. Не «новорусский», а именно новый русский.

Еще одна идея молодых авторов: жизни не надо бояться. Не страшно менять свою жизнь: стать бизнесменом, переквалифицироваться в таксиста, обратиться в буддизм и снова стать бизнесменом.

Hejabueusuas

Вишневскую (рассказ о смертях в і ном.